

АЛ. ФАНТ

ТАНСЫ

Горький

ИСКУССТВО

Л30 $\frac{Г-2}{381}$

Ал. ФЛИТ

Вансы и фрицы

Б а с н и

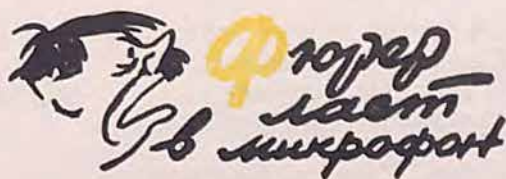
Р и с у н к и

БОРИСА ЛЕО

1942

Государственное издательство
«ИСКУССТВО»
Ленинград

Лето. Июнь. Оружья звон.
Фюрер лаёт в микрофон:
„Марш вперед! Я в три недели
Буду с армией у цели.
Я к победе вас зову—
Ленинград взять и Москву!“

Июль. Берлинский небосклон.
Фюрер лаёт в микрофон:
„Мы слегка изменим даты,
Близок час, мои солдаты,
В наступленьи немец лют—
Красной Армии—капут!“

Лето. Август. Тот же фон.
Фюрер лаёт в микрофон:
„Не успеет глянуть осень—
В Ленинград вас всех попросим.
Все идет на полный ход—
Продвигаемся вперед...“

Осень. Сводкой разозлен,
Фюрер лаёт в микрофон:

„Я бросок свершу чертовский —
Покажу парад московский
В середине октября.
Заверяю вас не зря!“

Осень. Слякоть. Мрачный тон.
Фюрер лает в микрофон:
„Страшен наш военный молот,
Будет русский фронт расколот,
Нам не драться в зимней мгле,
Закачу я бал в Кремле!“

Стужа. „Драп“ автоколонн...
Фюрер лает в микрофон.
Лай и хриплый и сердитый:
„Под Москвою мы не биты,
Это русская зима
Задержала нас сама!“

* * *

Как ни лай ты по эфиру,
Но всему известно миру:
Бьем мерзавцев пулей в лоб,
Мы врага уложим в гроб.
„Грабьмашина“ разобьется,
Больше лаять не придется.
Бьет бандитов не зима —
Наша армия сама!

Один дурак берлинский,
Решив, что он—войка исполинский,
В себя без памяти влюблен,
Сказал: „И я—Наполеон!“
Собрал войска—и ходу дал в Россию,
Храня при этом гордый вид...
Прошло шесть месяцев,—дурак побит.
На что вину валить? Конечно, на стихию!
Дурак вернулся и вопит:
„Довел войска до слез
Проклятый русский дед-мороз!
Чорт разберет, что с неба там идет:
Дождь, град ли, снежная крупа ли,
Иначе мы б не отступали!“
Но русский дед был на-чеку,
И тотчас же явился к дураку:
„Зачем ты лжешь, дурак, на месте?
Прошу, пожалуйста, без лести!
Я, дед мороз, охотно на ветру
Твою морожу немчуру,
Но не в природе, дурень, сила:
Не холод,—армия тебя победила
И будет бить, не дав опомниться врагу,

А я, я только помогу...
Мороз закончил речь щелчком
И распрощался с дурачком.

Мы скажем истине в угодую:
Когда бегут немецкие войска,
То не вали их бег на снежную погоду,
Чтоб не сойти за дурака!

Берлинский чудак

Один чудак большой в Берлине
Воскликнул с горечью со сна:
„Когда же кончится война?!“
Посажен был.
Сидит и ныне.

* * *

А вывод—где?
И вывод есть:
Легко в Берлине можно сесть.

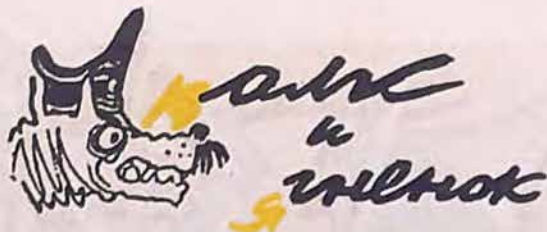
Сметка и сводка

Берлинец пожилой во время чтенья сводки
В кафе за столиком заснул.
Он нрав имел довольно кроткий,
Но вдруг под рупором... всхрапнул.
„Вставай скорей!—взревел агент гестапо,—
В наручники тебя, в тюрьму!!.“
Преступник вежливо приподнимает шляпу:
„Вины своей, простите, не пойму:
Поскольку всё у нас—одни победы,
И на фронтах—сплошная благодать,
То разрешите мне, взамен обеда,
Часок, другой за столиком поспать.“

* * *

Знать, немцу, чтоб не слушать сводку,
Иметь необходимо сметку.

Фашистский волк ягненка увидал,
„Ну,—говорит,—вот это радость,
Сейчас вкушу я мяса сладость, .
Давно мяса я не едал!“
И, вскинув автомат, прицелился в ягненка...
Волк был слегка навеселе
И думал пир устроить на селе,
Но, как ни рассчитал он тонко,
Из леса партизанский глаз
Тем планам не дал ходу,—
На мушку взял звериную породу
И волка уложил как раз...

* * *

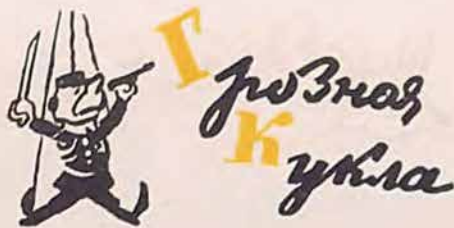
Сказать придется к слову,
Что басня кончилась не по Крылову.

Осел однажды в гору лез,
С горы спускалася лавина...
„Подумаешь, махина!—сказал осел,—
Со мною не шути,
Сейчас ей встану на пути:
Лавине тут—зарез,
Я в положении любом
Ее стальным угроблю лбом!
Готов о том я речь держать в эфире,
Сильней меня животного нет в мире!..“
Раздался гром,—лавина смерть несла
И в бездну унесла
Осла.

* * *

Мораль сей басенки простая:
Не так ли мюнхенский со свастикой осел,
В эфире языком болтая,
Спешит уверить всех,
Что мир он превзошел,
Что нет сильнее властелина...
Но трех держав могучая лавина
Раздавит глупого осла...

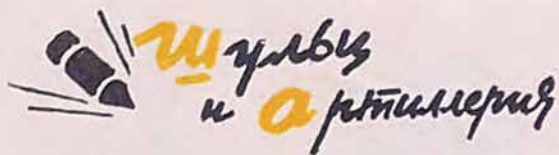

Грознейший финский генерал, очами поводя,
Рычал внушительно,
Что, мол, и он—фигура,
Что он играет роль вождя,
Что богатырская—его натура,
Что он в делах своих отчетов не давал,
Что в цель палил с любых позиций метко.
Но вдруг сорвался... с нитки генерал,
И оказалось, что он—марионетка.

* * *

Соль басни трудно ли узнать,
Понять секрет мы сделаем попытку:
Раз Гитлер дергает за нитку,
То финской кукле—время выступать.

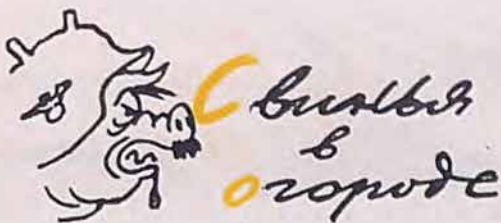

Ганс Шульц, наморщив лоб,
Стянув в избе тулуп по чину,
Напялил на себя овчину
И влез с винтовкою в окоп.
„Ну, — думает, — устроился что надо.
Сажу в укрытьи, мне тепло...“
Но тут раздался взрыв снаряда,
И Шульца в клочья разнесло.

* * *

Два слова выскажу теперь и я:
Неплохо греет наша артиллерия!

Свинья фашистская залезла в огород
И, сунув в грядки рыло,
Сказала в ярости, других свиней кляня:
„Голодной быть мне ныне,
Хоть и в ефрейторском я чине...
Что за народ! Средь бела дня
Уже какая-то пехотная свинья
Здесь до меня
Весь огород изрыла!“
Хотела прочь уйти,
Но пуля встретилась ей на пути,—
И средь дороги
Фашистская свинья вмиг протянула ноги...
Насквозь пронзив свинью,
Тут пуля с радостью сказала:
„Ведь это только лишь начало!
Мы, слитки крепкие свинца,
Разить вас будем до конца,
Мы смерть несем разбойничьей породе!
Не пожалеет мы огня,
Покуда хоть одна фашистская свинья
Останется в советском огороде!“

Майор фон-Шпритц промолвил в заключение,
Пройдась рукою по усам:
„Чтоб весь состав к шести часам
Пришел бы к месту назначения!“
Начальник взял под козырек:
„Свободен путь.“ В руке — флажок.
Издав гудок могучий,
Подбавил пару паровоз
И на немецкий фронт повез
Маршрут с горючим.
А там свалился под откос,
В лесочке, на глазах отряда...
Горела нефть, что надо,
Столб черный дыма в небо врос,
А командир промолвил в заключение:
„Ребятки, поздравляем вас:
Пришел составчик к месту назначения
И... раньше времени на час!“

* * *

Коль к партизанам груз идет, —
В срок обязательно дойдет.

Зайдя в один колхозный двор,
Увидел курицу фашистский мародер,
Но, только птицу сгреб, —
Вмиг получил он пулю в лоб.

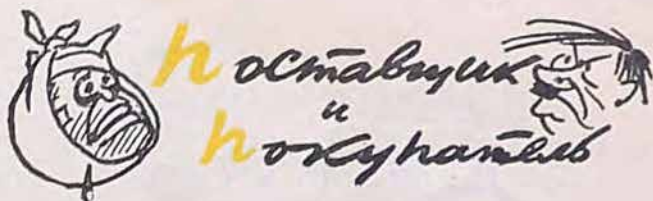
* * *

Стреляла курица? Едва ли,
Как видно, люди не дремали.

Однажды некий генерал
В пути оружие растерял...
Ему сказали по дороге:
„Оружье надо бы спасти.“
Но генерал вздохнул в пути:
„О, фюрер мой! Меня прости,—
Куда тут тяжести нести?
Мне б унести скорее ноги!“

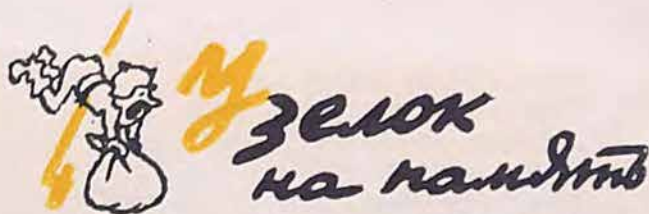
В Италии лихой мясник
Однажды головой поник:
Спокойного не ведал часа,—
Товар готовил что ни день,
Но все же нехватало мяса,
Был покупатель тверд, как пень:
„Давай, давай,—ревел,—поболе!
Скорей, брат, шли свои полки,
Чтоб было что на русском поле
Рвать артиллерии в куски!..
Точить теперь не время лясы,
Ты, брат, мой знаешь аппетит,
В любой огонь бросаю мясо,—
А все—нехватка, все не сят.“
Мясник вопит: „Моя мадонна,
Меня, несчастного, спаси!
Ведь я-то, дуче, мяса тонны
Уже угробил на Руси...
А Ливия? В песках пустыни
Мое ж добро во-всю едят!..“

.....

Мясник-чудак скулит и ныне,
Торговле редкостной не рад:
Дивизии, полки и роты...
Какие делал обороты,
Какой закатывал парад!
Хоть покупатель час за часом
Полки глотает, зол и лют,—
Его со всем фашистским мясом
На фронте в порошок сотрут.

* * *

А римскому поставщику
Висеть придется на суку...

Когда слабеет память человека,—
Чтоб не глядеть на потолок,
Мучительно факт некий вспоминая,
В быту есть вещь простая:
Берется носовой платок,
И—вяжется на память узелок.
Ефрейтор Зиц из Винценроде,
Когда в Россию к нам попал,
Чтоб память сохранить о боевом походе
Немедля узел завязал—
Вещей награбленных по всем колхозным хатам.
Среди воров считался первым хватом,
Но только узел поволок,—
Вошел в живот ему клинок.
Так, выражаясь сухо,
Пошла карьера вкривь и вкось,—
Вспороли мародеру брюхо,
И вспоминать уж Зицу не пришлось...

* * *

Забывчивым напомним сами:
Узлов не путай с узелками!

Увидел спрут заманчивую вещь.
„Ну,—думает,—придется вещи лихо.“
Был вид у спрута мрачен и зловещ,
Стал клещи выпускать он тихо,
Чтоб вещь немедленно изъять,
Чтоб в клещи цепкие ее навеки взять.
Исполнясь ярости и гнева,
Примерился сначала слева,
Потом и справа обхватил,
Что было сил...
У спрута от натуг—одышка:
Теперь-то жертве будет крышка!..
И вдруг умелая рука
Его предупредила,—
Сдавила спруту жирные бока
И клещи цепкие мгновенно обрубила.
Тут, зол и лют,
Дал драла спрут.

* * *

Фон-Клейст, хвастливый генерал,
Нас под Ростовом в „клещи“ взял,

Но наши спрутов крепко бьют:
Увидев, что клещам — капут,
Бежал фон-Клейст, фашистский спрут,
У всей Европы на виду,
Теряя с треском на ходу
В огне стремительной войны
Не только танковые клещи,
Людей и вещи,
Но... и фон-клейстовы штаны.

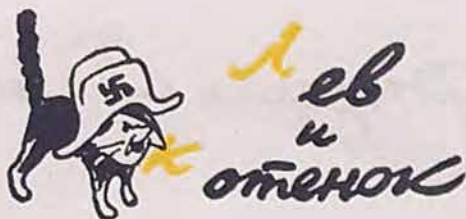

Микрофон и бумага

Увидя микрофон, промолвила бумага:
„О, мой почтенный „фон“,
Берлинской студии солидный микрофон!
Пропала вся моя отвага,
Уж больно много врак храню.
Ужели вам не надоело
В эфир бросать свою брехню?
А я от сводок очумела...
Я вам завидую: не оставляя след,
Сбрехнув в эфир насчет „побед“,
Стоите вновь вы чистым аппаратом...
А я, несчастная? Куда там!
Густым враньем испещрена,
Лишилась отдыха и сна,—
Мне пред потомками никак не оправдаться!“—
„Мадам!—сказал тут микрофон,—
Я вами крайне удивлен,
Признаться:
Вы—документ!
Как знать,—
Вас люди будут изучать
То сатирически, то гневно,
На вас, ведь, времени печать,

А вот моя судьба плачевна:
Мне вашей роли не сыграть,
Вы правы: сгину в этом мире,
Не сохранив следа в эфире,
И, как песчинка на ветру,
Вослед за Геббельсом помру."

На свете жил худой котенок,
Был недоволен он с пеленок:
„Котенком быть? Нет, чорта с два,
Я должен превратиться в льва!“
Наставил хвост трубой нахал:
„Смогу в два счета с ним сравняться!“
Льва фотографию достал,
И—ну пыхтеть и надуваться.
Вздыхнув как следует, глубоко,
Раздул и брюхо и усы...
Бегут минуты и часы,
Но все ж до льва ему далеко...
Котенок в злобе поднажал:
„Еще, мол, чуточку...“ Но где там!
Раздался треск,—и наш нахал
С натуги лопнул пред портретом.

* * *

Коль поглядим в историю вперед,—
И Гитлера такая участь ждет.

"Фюрер" и солнце

Однажды фюрер, сидя в ставке,
Случайно поглядев в окно,
Пролаял голосом охрипшей шавки:
„Держи злодея! Вот оно,
Светило гнусное, что мне грозит весной
Мои резервы растопить
И наступленье погубить!“
— Молчи, балбес,—
В ответ с небес
Откликнулось светило,—
Меня нахальство не смутило,
Не я лучом тебя сгублю,
Не я резервы растоплю,
Мне лишь отрадно будет поглядеть,
Когда орудия начнут твои резервы греть...
От черноморских волн до волн балтийских,
В сиянии лучей артиллерийских
На огненном ветру
Кровавым потом, фюрер, изойдешь,
Меня, весну и лето проклянешь...
Зимой валил все на мороз,
А летом свалишь на жару...
Но помни: я—лишь скромное светило,

Не солнце, армия резервы растопила!..
— Сгинь! Фюрер волком взвыл,
И мигом в ставке шторы опустил,
Грядущую предчувствуя расплату...
А солнце медленно пошло к закату.

* * *

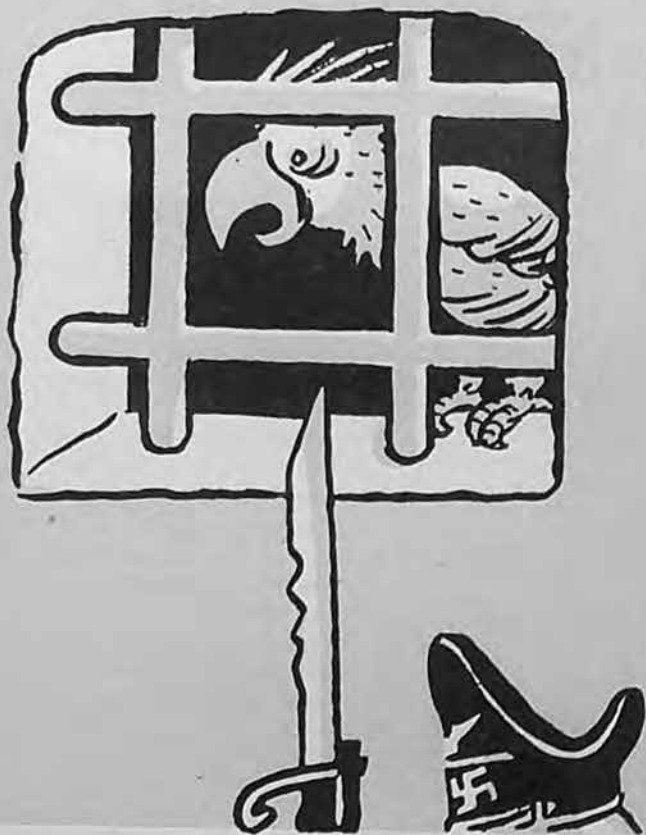
Когда ведешь ты ржавую военную машину,
На солнце не вали всех бед твоих причину,—
Тебя сожжет, чтоб больше не воскрес,
Огонь с земли, а не с небес!!

Когда, старанье прилагая,
Учить начнешь ты попугая,
Сказать возможно наугад:
Он брякнет слово не попад.

* * *

Красавец-попугай окраски редкой
У Геббельса сидел в роскошной клетке.
Он тем хозяина пленил,
Что беспрестанно говорил
С утра и до обеда
И от обеда до утра:
„Урра!
Победа!!“
Но вот, однажды шефу сообщили,
Что Шмидта в Тихвине разбили,
Что русских он штыков отведал
И прочь бежал что было сил...
Тут попугай вдруг завопил:
„Урра!
Победа!!“
Но разъяренный шеф

На птицу свой обрушил гнев:
Наглец был вытащен за лапу
И срочно водворен в гестапо.
Был попке учинен разнос,
Потом был тщательный допрос
И, наконец, злодею
Свернули шею.

оронвѣ
на
лечу

Басня-баллада

Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:

„Я—фон-Клейст, крестом железным
Фюрер грудь мне украшал,
Трижды Клейста награждал,
Но лечу с крестами в бездну:
Я Ростов не удержал.
У ворот я был Кавказа,
Я под танков мощный гул
Руки к нефти протянул,
Там—спасенье, нефтебаза!
Цель желанная—Баку!!!
Но, увы, на всем скаку
Вверх взвились казачьи сабли,
В битву бросились штыки—
Русских дерзкие полки
В этих битвах не ослабли,
Стали на-смерть нас крушить,
Превращая в лом колонны
Наших танков боевых,
Наших пушек мировых...

Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:

„Я фон-Шмидт—фашистский воин,
Орден я был достоин:
Резал, грабил, убивал,
В Тихвин-город я попал,
Думал: вот побед основа,
Ленинград зажму в тиски,
Но навстречу мне—штыки...
Под ударом Мерецкова
Растерял я все полки.
В лес сосновый, словно леший,
Я бежал в тулупе, пеший,
Я от битвы обалдел—
Мехом вверх тулуп надел...
Где же армия фон-Шмидта?
Бита, бита, бита, бита!“

Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:

„Мы—давнишние друзья:
Сикст-фон-Армин буду я,
Я—Матёрнер, я не робок,
С ним сражались мы бок-о-бок,
Из Орла пришли в Елец,
Нам в Ельце пришел конец.
Оживем мы с ним едва ли:
Сверху, снизу поливали
Смертоносным нас дождем,
Жгли нас яростным огнем,—
Так, представьте, раздолбали,
Что иссяк наш бранный дух:
Две дивизии из двух

Мы с соседом потеряли...
Нам смываться не пора ли?"

Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:

„Я фон-Лееб престарелый.
В ленинградские пределы
Прибыл, словно на парад,
Взять немедля Ленинград.
Я справлять банкет собрался,
Но, увы, как ни старался,
Танки—мне наперерез...
С горя взял—и в землю влез.
Воют русские метели,
Не спасают нас и щели:
Что ни день и что ни час,
Выковыривают нас
Русских меткие снаряды,—
Гибнут сотнями отряды.
Нас попробуй, опиши
То ль в стихах, а то ли в прозе,
Как едят арийцев вши,
И в щелях, и на морозе!“

Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:

„Гутен таг! Зовусь фон-Боком,
Мне Москва выходит боком.
Тьму дивизий я согнал,
Тьму дивизий доканал,
Танков уложил немало—
Всяк из вас меня поймет:
Видит око,—зуб неймет!“

Как Москва века стояла,
Так же и теперь стоит...
Проклинаю неба синь я
И российские снега:
Что ни делал—клещи, клинья
И прорывы в стан врага,
Как ни рвался в полной силе,
Танков выпустив стада,—
Ни туда и ни сюда!
Планы наши все разбили,
Нас грозятся истребить,
Били, бьют и будут бить.
Не замазать, как бывало,
Мирового нам скандала...
Фюрер мой! Меня прости:
Мне в Москву—не по пути..."

Ворон к фюреру спешит,
Фюрер прочь домой летит—

Лает хрипло по эфиру
И о том вещает миру,
Что, мол, русская зима
Сводит армию с ума...
Только зря он в гордой позе
Ищет корень бед в морозе,
Трёт в отчаяньи виски—
Правды нет в том и полушки:
Хоть морозы и крепки,
Бьют бандитов наши пушки,
Танки, пули и штыки!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Фюрер дает в микрофон	3
Дед-мороз и берлинский дурак	5
Берлинский чудак	7
Сметка и сводка	8
Волк и ягненок	10
Осел и лавина	11
Грозная кукла	12
Шульц и артиллерия	14
Свинья в огороде	15
Сказано — сделано	16
Куролов	17
Генерал на бегу	18
Поставщик и покупатель	20
Узелок на память	22
Клещи	24
Микрофон и бумага	26
Лев и котенок	29
Фюрер и солнце	30
Попугай	32
Вороньё на снегу	35

ЛМ. 3284.

19 3

И-468/21

Редактор
А. В. Костин

*

Художественный
редактор
Г. В. Семенова

*

Подписано в печать
7 июля. Печ. л. 2½.
У - Авт. л. 1,63. Тир.
5.000 экз. М - 9509.
„Искусство“ № 21/А.
Заказ № 1.

21 типография ОГИЗ'а.

*

Цена 2 р.

8 ргб.

Л30 $\frac{Г-2}{381}$

43-212/21